

Память отчетливо застряла в том моменте, когда, из-за того, что туристическая тропа обветшала от времени, он сорвался с утеса. А в следующий миг, едва открыв глаза, он оказался в новобрачной комнате, где мерцали алые свечи.

Цинь Ся нахмурился, его разум будто застыл.

Кто я? Где я?

Только когда в его сознание хлынули чужие воспоминания, он моргнул и осознал:

он попал в книгу.

Причем в ту самую веб-новеллу о Древнем Китае, которую он читал во время путешествия, чтобы скоротать время.

Сюжет не был особо плох, но выдающимся его тоже нельзя было назвать. После прочтения у Цинь Ся остался в памяти лишь один персонаж — антагонист Юй Цзюэцюэ.

Юй Цзюэцюэ был классическим злодеем-евнухом. Он возглавлял Сылицзянь* и Восточную канцелярию, обладал огромной властью, а позже поддержал нового императора, фактически став вторым человеком в государстве.

(ПП: Сылицзянь - департамент, отвечавший за документы императора, печати, дворцовый этикет и другие вопросы. Позже, с установлением системы кабинета в династии Мин, ему было предоставлено право участвовать в делах двора и «одобрять» от имени императора)

При этом в частной жизни он не гнушался коррупцией, торговлей должностями, убийствами и прочими злодеяниями, за что обрел крайне дурную славу.

Сама книга, если отбросить любовные линии, была в основном посвящена борьбе оригинального главного героя, того самого нового императора, с Юй Цзюэцюэ. Герой шаг за шагом, используя ум и хитрость, побеждал своего наставника, в конце концов добившись его казни и конфискации имущества.

Цинь Ся запомнил этого персонажа по той причине, что Юй Цзюэцюэ был не просто евнухом, но еще и «гером».

Геры, также называемые шуан-эры, — это мужчины, способные к деторождению. Цинь Ся условно понимал это как особую категорию мужчин: хрупкие телосложением, утонченные чертами лица, с мужскими половыми признаками, но частично нефункциональными.

В династии Даюан евнухи обладали значительной властью, и многие из них были именно

герами.

Чтобы мужчина мог попасть в императорский дворец, ему нужно было пройти через кастрацию. Хотя внешне казалось, что геры занимают заметное место среди евнухов, на самом деле выдающихся евнухов-правителей становилось исключительно из числа полностью кастрированных мужчин. Геры же чаще всего превращались в игрушки для забав своих господ.

Если женщины-дворцовые служанки могли рассчитывать на статус «дойши» — признанных партнерш, то геры даже этого лишались. Их положение было особенно унижительным. Во дворце геры выполняли самую грязную и тяжелую работу, оставались в роли рабов. В обществе их воспринимали как обузу: неспособных возглавить семью, испытывающих трудности с беременностью, неспособных продолжить род.

И тем не менее, Юй Цзюэцюэ, имея столь дискриминируемый статус, сумел достичь положения Девятитысячелетнего (титул евнуха, равного второму лицу в государстве) — что говорило о его уме и силе.

Во время своего правления он даже внедрил несколько дальновидных реформ. Но его злодейство было невозможно отрицать.□□

Что касается причин, почему бедный гер, вынужденно оказавшийся во дворце, превратился в жадного до власти царедворца, готового на все ради карьерного роста, в книге также давались объяснения.

Как-то раз Юй Цзюэцюэ получил приказ выехать из столицы по делам, но по пути подвергся нападению, организованному его врагами при дворе. Он, приложив все усилия, имитировал собственную смерть, чтобы сбежать, но по дороге потерял память и попал в руки работоторговцев. Не узнав в нем высокопоставленного евнуха, работоторговцы выставили его на продажу как обычного гера.

Из-за слабого здоровья его купил по дешевке некий безработный негодяй из уезда Цинань, в префектуре Пиньюань, чтобы сделать его своим супругом.

С этого момента начались его несчастья. Юй Цзюэцюэ не только лишился чести, но и подвергался регулярным побоям и унижению от пьяного мерзавца. Он жил впроголодь, одевался в лохмотья, и именно в этот период его характер окончательно почернел.

Однажды, в темную безлунную ночь Юй Цзюэцюэ, доведенный до отчаяния, схватил нож и убил своего мучителя. Этот жестокий инцидент, вероятно, стал для него сильным потрясением, поскольку сразу после этого его память вернулась. Он скрывался несколько месяцев, восстанавливая силы, а затем триумфально вернулся в Шэнцзин. С этого момента он начал свой путь к вершинам власти, не выбирая средств.

И вот персонаж, в которого «вселился» Цинь Ся, оказался именно тем самым мерзавцем из

езда Цинань.

По подсчетам, оставалось всего три месяца до того момента, как он, уже мертвый, окажется в выгребной яме во дворе, закопанный в огороде.

Осознав грядущую судьбу, Цинь Ся тут же протрезвел, даже не задумываясь о том, куда делся оригинальный владелец тела. Отпрянув к краю кровати, он бросил мимолетный взгляд на будущего всесильного сановника, который в данный момент был несчастным потерявшим память юношей. И, как бы пытаясь сгладить неловкость, сказал:

— Эм, ты это... Оденься, а то простудишься.

Юй Цзюэцюэ бросил взгляд на свой распахнутый воротник, который только что растрепал этот странный мужчина. Хотя он не понимал, почему Цинь Ся вдруг остановился, он быстро поправил воротник и заново завязал пояс.

После этого наступила тишина.

Цинь Ся, нахмурившись, крепко сжал виски и начал лихорадочно размышлять. Как опытный читатель веб-романов о попаданцах, он прекрасно знал, что обратной дороги в таких историях нет. Скорее всего, оригинальный владелец тела уже мертв, а он сам никогда не сможет вернуться в свой мир.

Однако нынешний момент давал шанс все исправить и избежать катастрофы. Наилучшим решением было бы отправить Юй Цзюэцюэ как можно дальше, чтобы между ними не возникло никакой связи. После этого он мог бы жить своей новой жизнью в этом мире, будучи просто Цинь Ся — обычным жителем, наслаждаясь едой, питьем и беззаботной жизнью. Разве это не счастье?

Но сначала нужно пережить эту ночь.

На улице стоял жуткий холод, и выгнать Юй Цзюэцюэ за дверь было бы жестоко, даже несмотря на его будущий статус. Цинь Ся, ломая голову над тем, как вести себя с этим неожиданным гостем, вдруг услышал громкое урчание в животе. Он поднял глаза и увидел, как Юй Цзюэцюэ, прикрывая живот руками, с явным смущением попытался забиться в угол кровати.

Порывшись в воспоминаниях прежнего хозяина тела, Цинь Ся внезапно все понял.

В этом мире свадебная церемония называлась «сумеречной» и проходила на закате.

Во время пира оригинальный Цинь Ся, окруженный своими закадычными приятелями, так увлекся выпивкой, что даже не удосужился принести Юй Цзюэцюэ хотя бы чашку горячей

воды.

Перед брачной ночью Юй Цзюэцюэ, сидя под свадебным покрывалом, провел несколько часов в одиночестве в холодной комнате. Неудивительно, что он настолько проголодался, что даже живот его выдал.

Цинь Ся, в прошлой жизни страстный гурман и награжденный шеф-повар, просто не мог терпеть, когда кто-то оставался голодным. Хотя, конечно, оказаться в ситуации, когда твой голод так явно предательски выдает, было довольно унижительно.

Цинь Ся слегка откашлялся и, делая вид, что ничего не заметил, спросил:

— Ты голоден? Я тут думаю лапшу сварить. Составишь компанию?

Ну кто сможет устоять перед горячей тарелкой лапши в промозглую зимнюю ночь?

После небольшой паузы Юй Цзюэцюэ, обдумав предложение, медленно кивнул.

Цинь Ся натянул ватник и вышел из комнаты. Он даже не заметил, как Юй Цзюэцюэ, провожая его взглядом, нахмурился, явно задумавшись.

Проходя несколько шагов от главной комнаты до кухни, Цинь Ся думал только об одном: Холодно! Местная ватная одежда и в подметки не годилась пуховикам из его прошлого мира — малейший ветер пронизывал ее насквозь.

К счастью, кухня с глиняной печью была связана с домашним каном, и там сохранилось немного тепла. Цинь Ся поджег свечу от огня в печи и, подняв ее, огляделся.

Следуя воспоминаниям хозяина тела он пропустил пустой, даже для крыс неинтересный, чан для риса и сразу подошел к старому деревянному шкафу у стены.

В запасах, конечно, что-то было, но крайне мало. На все про все — одна миска белой муки, полмешка смешанной крупы, несколько яиц. Единственное, что напоминало о слове «овощи», — это высохший чеснок, свисающий с потолка, и пакет сушеных листьев, завернутый в промасленную бумагу.

«Придется импровизировать», — подумал Цинь Ся, закатывая рукава.

Цинь Ся внимательно осмотрел сушеную зелень при свете свечи и понял, что это сушеная пекинская капуста.

«Что ж, этих запасов как раз хватит, чтобы приготовить две порции простой лапши с прозрачным бульоном», — вздохнул он и, поставив свечу на свободное место, начал готовить.

Сейчас на улице было холодно, а тесто в таких условиях подходит медленно, так что даже оставив его на всю ночь, можно не бояться, что оно скиснет. Цинь Ся решил использовать всю оставшуюся белую муку для лапши — на двоих этого будет более чем достаточно. Из смешанной муки он замесил тесто для лепешек, оставив его на утро. Завтра, по крайней мере, будет завтрак.

Приняв решение, Цинь Ся вышел во двор, зачерпнул ведро воды из бочки и вернулся на кухню. Первым делом он промыл и замочил сушеную капусту. Вода здесь была колодезная. Цинь Ся зачерпнул немного половником из тыквы и попробовал на вкус. От холода ломило зубы, но вода оказалась удивительно сладковатой, без горечи и привкуса. Очевидно, колодец был с мягкой, приятной водой. Однако пить ее сырой он все же не решился.

Он смешал муку с солью и водой, замесил гладкое тесто, прикрыл его чистой тканью и оставил отдыхать. Затем подбросил дров в печь, налил в большой чугунный котел воды и разжег пламя — горячая вода пригодится не только для готовки.

Пока вода закипала, Цинь Ся не сидел без дела.

Бывший хозяин этого тела готовил редко и явно не любил убираться, так что кухня выглядела удручающе. Цинь Ся нашел тряпку и принялся наводить порядок. Когда вода закипела, он очистил котел и ошпарил все доступные чашки, ложки и другие кухонные принадлежности.

К тому времени кухня преобразилась, а сам Цинь Ся, устав, почувствовал себя еще более голодным. Он взглянул на тесто — подошло идеально. Переложив его на доску, присыпанную мукой, он раскатал его в тонкий пласт теплой скалкой. Сложив тесто, он ловко нарезал его на ровные полоски. Слегка встряхнув лапшу, чтобы не слиплась, он разложил ее по столу.

Но хорошая лапша требует хорошего бульона. В отсутствие мяса на выручку пришли яйца.

Он вытер котел досуха, добавил немного оставшегося растительного масла, и, когда масло раскалилось, аккуратно разбил два яйца. Обжарив их до золотистого цвета с обеих сторон, он залил их водой. Вскоре бульон стал нежно-молочного цвета, а на поверхности заиграли аппетитные масляные пятнышки.

Когда вода снова закипела, он бросил в котел лапшу, а вслед за ней — замоченную капусту.

Сушеные листья впитывали бульон, оживая на глазах, а аромат горячей еды постепенно вытеснял холод и мрак из кухни, наполняя ее уютным теплом.

Теплый запах разнесся по двору, пробравшись даже в дом.

Юй Цзюэцюэ, сидя на кровати, невольно вдохнул этот аромат. Его желудок громко напомнил о себе, издав предательское урчание. Сжавшись, он судорожно сжал одежду пальцами, стараясь подавить неприятное чувство унижения.

Воспоминания о прожитых в доме работорговца днях все еще терзали его. Как пленника, его осматривали, торговались за него, как за товар, а еды в доме торговцев было мало и она никогда не утоляла голода.

Хотя поведение Цинь Ся внезапно изменилось — он из грубого пьяного мужа превратился в человека, предложившего поесть, — Юй Цзюэцюэ не мог полностью довериться ему. Ведь он оставался лишь супругом, купленным за пять лян серебра, и все права на его жизнь принадлежали этому человеку.

Глаза Юй Цзюэцюэ потемнели.

Когда Цинь Ся вернулся в дом с двумя чашками лапши, Юй Цзюэцюэ все еще сидел в том же углу, в той же позе, пытаясь сделать себя незаметным. Цинь Ся, вспоминая, что в книге антигерой провел эту ночь в холоде и голоде, невольно вздохнул.

«Все в этом мире взаимосвязано, — подумал он. — Если я не стану причиной зла, то, может быть, смогу избежать злых последствий».

— А-Цзю, закрой-ка дверь, а то весь теплый воздух выдует, — сказал он, нарочно делая вид, что они давно знакомы, чтобы разрядить обстановку.

«А-Цзю» — имя, данное торговцами, совпадало с его настоящим, что Цинь Ся, знающий сюжет, считал удобным.

Юй Цзюэцюэ замер, глядя на чашки в руках Цинь Ся. Его сердце невольно забилось быстрее. Он закрыл дверь, уклоняясь от ледяного порыва ветра, а когда обернулся, увидел, как Цинь Ся расставляет чашки на столе.

— Чего стоишь? Подходи, пока горячее, — позвал Цинь Ся, указав на лапшу.

*Лапша в прозрачном бульоне □□□□□

<http://bllate.org/book/13601/1206006>